

Введение. Природа религиозного сознания

7. Религия и философия

Для Гегеля вообще нет сомнения в том, что Бог, предмет религии, составляет и единственно достойный предмет для философии^[xlvii]. "Предмет религии, как и философии, есть вечная истина в самой ее объективности: Бог и ничто кроме Бога и изъяснения Бога. Философия не есть мудрость мира, но познание не-мирового (Nichtweltlichen), не познание внешней меры, эмпирического бытия и жизни, но знание того, что вечно, что есть Бог и что проистекает из его природы... Философия изъясняет поэтому лишь саму себя, изъясняя религию, а изъясняя себя, она изъясняет религию. Как занятие вечной истиной, существующей an und für sich^[156], именно как занятие мыслящего духа, а не произвола или особого интереса к этому предмету, она есть та же самая деятельность, как и религия... Религия и философия совпадают воедино. Философия есть в действительности богослужение, есть религия, ибо она есть такой же отказ от субъективных прихотей и мнений в занятии Богом (Beschäftigung mit Gott)" (Religionsphilos., 7)^[157]. Философия религии относится к общей системе философии таким образом, что "Бог есть результат других ее частей. Здесь этот конец становится началом" (12)^[158]. "Философия рассматривает, следовательно, абсолютное, во-первых, как логическую идею, идею, как она существует в мысли, как ее содержанием являются сами определения мысли. Далее абсолютное обнаруживается в своей деятельности, в своих продуктах; и это есть путь абсолютного стать для себя самого духом. Таким образом, Бог есть результат философии, о котором познается, что это есть не только результат, но и вечно воспроизводит сам себя, есть происходящее"^[159].

Различие между "положительной" религией и философией принципиально стирается в глазах Гегеля потому, что "не могут существовать два разума и два духа, не может существовать божественный разум и человеческий, божественный дух и человеческий, которые были бы совершенно различны между собою. Человеческий разум, сознание своей сущности есть разум вообще, божественное в человеке, а дух, насколько он есть дух Бога, не есть дух над звездами, за пределами мира, но Бог присутствует вездесущно и как дух во всех духах. Бог есть живой Бог, который деятелен и действителен. Религия есть порождение божественного духа, не изобретение человека, но дело божественного воздействия и влияния на него.

Выражение, что Бог правит миром как разум, было бы неразумно, если бы мы не принимали, что оно относится и к религии и что божественный дух действует в определении и образовании последней... Чем более человек заставляет в разумном мышлении действовать за себя самое дело, отказывается от своей обособленности, относится к себе как к всеобщему сознанию, его разум не ищет своего в смысле особого, и тем менее может он впасть в это противоречие, ибо он, разум, и есть самое дело, дух, божественный дух" (17)^[160]. (Ср. справедливое критическое замечание по поводу этого суждения у А. Дрекса: прим. 3, стр. 398.) Если в разуме мы имеем непосредственно Бога, то "разум есть то место в духе, где Бог открывается человеку" (24)^[161], "почва, на которой религия единственно чувствует себя дома" (120)^[162], "почва религии есть разумное, точнее, спекулятивное" (ib). "Религия существует только через мышление и в мышлении. Бог есть не высшее ощущение, но высшая мысль" (38)^[163]. В этом смысле понимается и идея "откровения" и "откровенной" религии: "откровенная (geoffenbarte) религия есть очевидная (offenbare), ибо в ней Бог стал вполне очевидным. Здесь все сообразно понятию: нет ничего тайного в Боге"^[xlviii] (48)^[164].

По сравнению с мышлением низшею формой религиозного сознания является то, что обычно зовется "верою" и что Гегель характеризует как знание в форме "представления"(Vorstellung): на ней лежит печать субъективности, непреодоленной раздвоенности субъекта и объекта. "Представление обозначает, что данное содержание есть во мне, мое" (66)^[165]. "Вера есть постольку нечто субъективное, поскольку необходимость содержания, доказанность называют объективным, — объективным знанием, познанием" (67)^[166]. И так называемое "непосредственное знание есть не что иное, как мышление, взятое лишь совершенно абстрактно" (69)^[167]. Непосредственное знание о Боге может говорить только, что Бог *есть*. Но так как бытие, по определению "Логики", есть "всеобщность в пустом и абстрактнейшем смысле, чистое отношение к себе без всякой реакции внутри и снаружи" (70)^[168], то "эта тощая непосредственность, которая есть бытие, вершина сухой абстракции, есть самое пустое, скудное определение" (ib). (Очевидно, насколько сила этого аргумента связана с прочностью *Логики* Гегеля: центральный вопрос о природе и содержании веры решается справкой с параграфом о "бытии"!.) Отсюда заключает Гегель, что и "самое скудное определение непосредственного знания религии... не стоит вне области мышления... принадлежит мысли" (70)^{[xlix][169]}.

Основная мысль Гегеля о различии между религией и философией состоит, как мы уже знаем, в том, что "религия есть истинное содержание, но только в форме представления" (94)^[170], "представление мое есть образ, как он возвышен уже до формы всеобщности мысли, так что удерживается лишь одно основное определение, составляющее сущность предмета и предносящееся представляющему духу" (84)^[171]. В представлении абстракция борется с образностью, "чувственное лишь путем абстракции возводится к мышлению" (86)^[172], и в этой двойственности и противоречивости заключается необходимость перехода к философии, которая то же самое дело, что и религия, делает в форме мышления, тогда как "религия, как, так сказать, непроизвольно (unbefangen) мыслящий разум, остается в форме представления"^[173]. Только в мышлении достигается "то тожество, при котором знание полагает в своем объекте себя для себя", оно "есть дух, разум, опредмеченный для самого себя" (121). "Таким образом, религия есть отношение духа к абсолютному духу. Лишь таким образом дух, как знающий, становится и познанным. Это есть не только отношение духа к абсолютному духу, *но сам абсолютный дух относит* себя к тому, что мы положили на другой стороне как различие; и выше религии есть, стало быть, идея духа, который относится к самому себе, есть *самосознание абсолютного духа... Религия есть знание абсолютного духа о себе чрез посредство конечного духа*^[1]..." (121)^[174] "Философия имеет целью познавать истину, познавать Бога, ибо Он есть абсолютная истина: постольку ничто другое не стоит труда по сравнению с Богом и Его изъяснением. Философия познает Бога существенно как конкретного, как духовную, реальную всеобщность, которая чужда зависти, но сообщает себя... И кто говорит: Бог непознаваем, тот говорит: он завистлив" (394). (Очевидна вся недостаточность этого аргумента, который скорее может быть приведен в защиту идеи откровения, нежели для подтверждения общей точки зрения Гегеля: для него Бог дан в мышлении, *есть* мышление, а при этом, строго говоря, некому и нечему открываться, и если сам Гегель и говорит об откровенной религии, то делает это по своей обычной манере пользоваться эмпирическими данными для нанизывания их на пан-логическую схему). "В философии, которая есть теология, единственно только и идет речь о том, чтобы показать разум религии" (394). "Все формы, выше рассмотренные: чувство, представление, могут, конечно, иметь содержанием истину, но сами они не составляют истинной формы, которая необходима для истинного содержания. Мышление есть абсолютный судья, пред которым' должно удостоверить себя и уполномочивать содержание. Философии делается упрек, что она ставит себя выше религии. Это уже фактически неверно, ибо она имеет только это же самое, а не иное содержание, лишь дает его в форме мышления; *она становится, таким образом, выше формы веры; содержание*

остается тем же самым" (394)²⁰³. "Философия является теологией, поскольку она изображает примирение Бога с самим собой (sic!) и с природой" (395).

Отличительной особенностью философской и религиозной точки зрения Гегеля является то, что мышление совершенно адекватно истине, даже более, есть прямо самосознание истины: мысль о божестве, само божество и самосознание божества есть одно и то же. Человеческое сознание в объективном мышлении не только перерастает себя, но вполне себя трансцендирует, становится не человеческим, а абсолютным. Всякая напряженность имманентного и трансцендентного, познающего и познаваемого, человека и божества, "снимается", преодолевается божественным монизмом, свободным от обособления мира и человека: логика — это "Бог всяческая во всех". Очевидно, что философия, таким образом понятая, перестает уже быть философией, а становится богодейством, богобытием, богосознанием. Это даже не есть и религия, ибо религия предполагает напряженный дуализм имманентного и трансцендентного, соответствует ущемленному, богищущему и как бы бого-оставленному бытию. Нет, это сверхрелигия, то, что находится по ту сторону религии, когда религия упразднится. Интеллектуалистически истолковывая религию, Гегель берет ее лишь как вид мышления, как плохое, недостаточное философствование, и в этом качестве, конечно, отводит ей низшее место за то, что она сознает истину лишь в виде "представления", т. е. дуалистического противопоставления субъекта и объекта, человека и божества. Панлогистический идеализм договаривает здесь до конца основную мысль субъективного идеализма: именно *esse-percipi*^[175]. У Юма она имела субъективно-человеческое значение — "быть для человека", у Беркли получила истолкование как действие Божества в человеческом сознании; у Гегеля она была транспонирована уже на язык божественного бытия: мышление мышления — само абсолютное, единое в бытии и сознании^[li]. Поразителен этот люциферический экстаз, которым по существу является пафос гегельянства: кроме самого Гегеля, кто может испытывать это блаженство богосознания и богобытия, переживая его Логику? Если сам он его действительно переживал, это есть, конечно, в высшей степени важный факт религиозной психологии, точнее, интересный религиозный психологизм. Одно из двух: или теоретическому мышлению в такой степени присущ аромат вечности, касание мира божественного, что его служитель чрез мышление подлинно осязал этот мир в его непосредственности (чего мы, говоря откровенно, не допускаем), или же, наоборот, мы имеем здесь пример крайнего доктринерства, приводящего к самоослепению и самогипнозу, типичное состояние философической "прелести". Гегелевский логический пантеизм проистекает из основной особенности его мировоззрения, его крайнего интеллектуализма, благодаря чему ему и было суждено сказать последнее слово рационализма в форме идеалистической спекуляции. Так как мысль, мыслимость, мышление составляют, в глазах Гегеля, единственно подлинное бытие вся же алогическая сторона бытия, весь его остаток сверх мышления, представляет собой ряд недоразумений, субъективизм или, как теперь сказали бы, психологизм, то бытие для Гегеля подменяется и исчерпывается *понятием* бытия, а Бог *мыслью* о Боге. Вооруженный "диалектическим методом", в котором якобы уловляется самая жизнь мышления, он превращает его в своего рода логическую магию, все связывающую, полагающую, снимающую, преодолевающую, и мнит в этой логической мистике, что ему доступно все прошлое, настоящее и будущее, природа живая и мертвая. В действительности мы знаем, что эта философская дедукция земли и неба совершается посредством фактических позаимствований у эмпирического бытия, которое отнюдь не соглашается быть только *понятием*^[lii]. При всей ценности и плодотворности отдельных построений и замечаний Гегеля, его система может служить примером совершенного упразднения религии.

Для Гегеля философская достоверность выше религиозной, точнее, она составляет высшую ее ступень, находясь с нею в одной плоскости. Это мнение у Гегеля проистекает

из общего его убеждения, что возможна *абсолютная* система, которая была бы не философией, а уже самой Софией, и именно за такую почитал он свою собственную систему. Трагедия философствования в ней преодолена, рыцарь обрел свою Прекрасную Даму (если только по ошибке не принял за нее дородную Дульцинею), разум достиг преображения и исцеления от своих антиномий. Для Гегеля его система — это Царствие Божие, пришедшее в силу, и эта сила в мышлении, — это церковь в логической славе своей. В таком убеждении сполна обнаруживается люциферическая болезнь этого типа философии, и гегельянство есть в некотором роде предел для этого направления. В современном немецком идеализме эти же мотивы звучат скрыто и нерешительно, хотя неокантианский имманентизм, тоже устраняющий трагедию мысли, постольку есть робкое повторение Гегеля. Вообще "философия" в отвлеченном, а потому и притязающем на абсолютность понимания — рационалистический имманентизм в отрыве от цельности религиозного духа, есть специфически германское порождение, корни свои имеющее в протестантизме.

[xlvii] Ср. *Hegel's Encyclopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse*. I Th. Logik (W. W., VI, 2-te Aufl.). S. XXI—XXII, 3 и др.

[xlviii] Мысль о том, что в Боге нет тайны, что Он вполне познаваем, встречается не раз на страницах гегелевой философии религии: стр. 334, 335—336.

[xlxi] В прим. 39 (стр. 419) А. Древе справедливо замечает: "Гегель забывает здесь, что бытие логики обозначает только чистое понятие бытия, а не самое это бытие, что утверждение: Бог есть всеобщее, может обосновать лишь логическое, идеальное, но не реальное бытие Божие".

[l] Недаром Гегель сочувственно цитирует своего мистического предшественника в имманентизме Мейстера Эккегарта: "Das Auge, mit dem mich Gott sieht, ist das Auge, mit dem ich ihn sehe, mein Auge und sein Auge ist eins. In der Gerechtigkeit werde ich in Gott gewogen und er in mir. Wenn Gott nicht wäre, wäre ich nicht, wenn ich nicht wäre, so wäre er nicht (139)²⁰⁰".

[li] К этим общим аргументам следует присоединить и то еще соображение, что если религия есть низшая ступень философского сознания, то она отменяется упраздняется за ненадобностью после высшего ее достижения, и только непоследовательность позволяет Гегелю удерживать религию, соответствующую "представлению", в самостоятельном ее значении, рядом с философией, соответствующей "понятию". На это указывает уже Гартман (*Philos. d. Rel.*, 85).

[lii] Совершенно справедливо замечает А. Древе в своих примечаниях к гегелевской философии религии: "Гегель отождествляет сознательное бытие не с сознательной стороной бытия (*Bewusst-Sein*) или идеальным бытием, но непосредственно с реальным и приходит, таким образом, к чудовищному утверждению, что можно посредством конечного, дискурсивного, сознательного бытия продумать процесс абсолютного, вечного, досознательного и сверхсознательного мышления непосредственно как таковой. Гегель забывает, что бытие логики обозначает только чистое понятие бытия, а не самое это бытие, что утверждение: "Бог есть всеобщее, может обосновать лишь логическое, а не реальное понятие Бога" (*Anm. 39. S. 419*).

[156] В себе и для себя (*нем.*).

[157] Ср.: *Гегель. Философия религии*. М., 1975. Т. 1. С. 219—220. "Познание немирового (*Nichtweltlichen*)" в современном переводе передано как "познание *немирского*" в том смысле, в каком в Новом Завете "мудрость века сего" противопоставляется "премудрости Божией" (1 Кор. 2:6—7).

[158] Ср.: *Гегель. Философия религии*. М., 1975. Т. 1. С. 225.

[159] Ср. там же. С. 224—225.

[160] Ср. там же. С. 230.

[161] Ср. там же. С. 239.

[162] Ср. там же. С. 366.

[163] Ср. там же. С. 253.

[164] Ср. там же. С. 271: "Религия откровения есть открытая религия, потому что в ней Бог полностью открыл себя. Здесь все соответствует понятию, в Боге нет больше ничего тайного".

[165] Ср. там же. С. 293.

[166] Ср. там же. С. 295.

^[167] Ср. там же. С. 297.

^[168] Ср. там же. С. 298.

^[169] Ср. там же. С. 299.

^[170] Ср. там же. С. 324.

^[171] Ср. там же. С. 314—315.

^[172] Ср. там же. С. 316.

^[173] Ср. там же. С. 357.

^[174] Ср. там же. С. 367.

^[175] Esse «est» persiри (*лат.*) — существовать — значит быть воспринимаемым. Это положение впервые сформулировал Дж. Беркли в "Трактате о принципах человеческого знания" (1710). См.: Беркли Дж. Соч. М., 1978. С. 172.